View the original article

АРХЕОЛОГИЯ

Неудобный Солженицын. Кому мешает памятник писателю?

Сергей Медведев

12 ноября 2026

Russia -- Russian writer Alexander Solzhenitsyn in Moscow, 1995

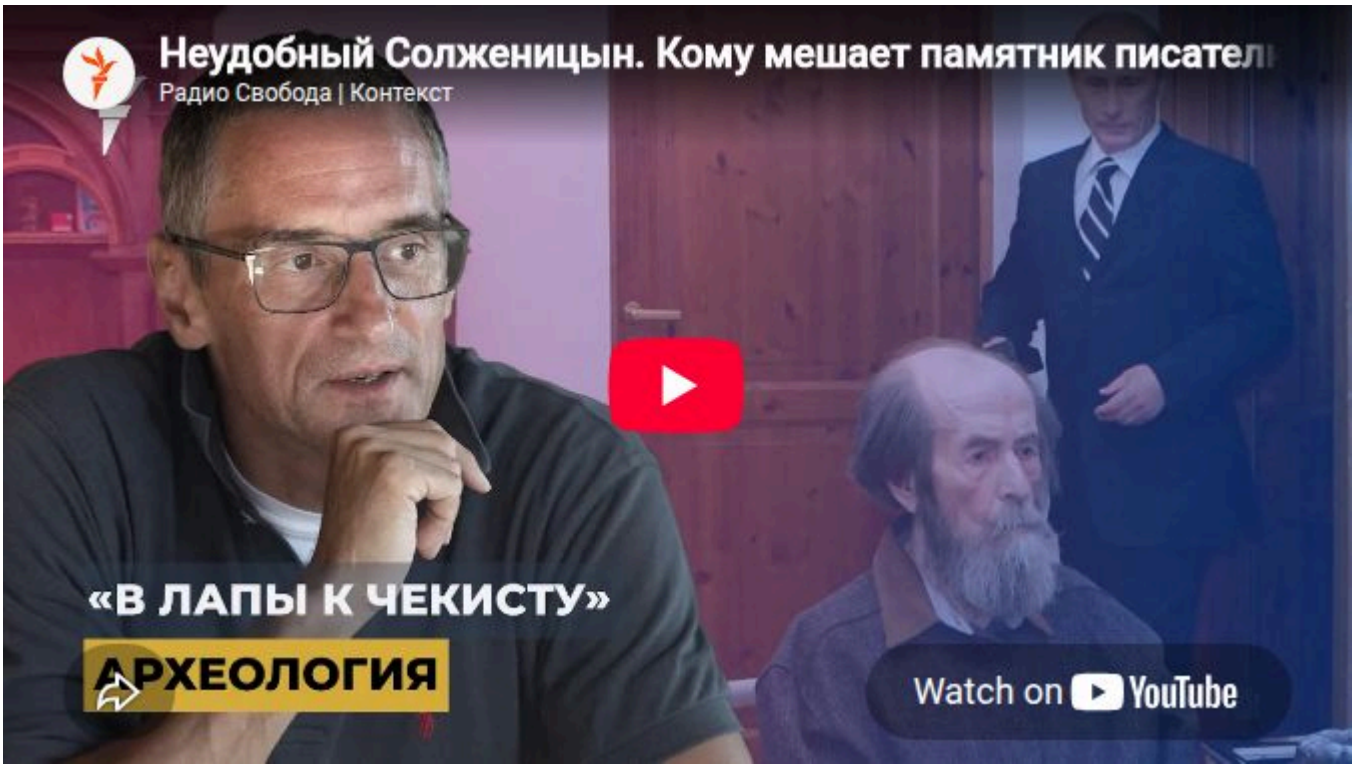
Роль писателя в мировой литературе и истории

Во Владивостоке по просьбе местных ветеранских организаций и руководства Тихоокеанского флота переносят памятник Александру Солженицыну. 20 октября его демонтировали с Корабельной набережной, где он стоял с 2015 года, но потом временно вернули на место. Скульптуру собирались перенести в сквер Веры и Надежды, однако выяснилось, что для него она слишком велика. Власти обещают найти решение.

Споры вокруг памятника в городе идут с момента установки: его давно требуют убрать местные сталинисты. Однажды на него повесили табличку с надписью "Иуда". Один из жителей Владивостока обращался в суд, требуя убрать

Солженицына с Корабельной набережной, потому что он является "спорной фигурой".

Кому не угодил автор "Архипелага ГУЛАГ" сегодня, во времена путинской России, каковы были его отношения с советской властью, предсказал ли он войну с Украиной, и был ли он последним великим русским писателем? Обсуждаем с литературным критиком **Николаем Александровым и** журналистом и писателем **Иваном Толстым.**

Сергей Медведев: Как складывались отношения Александра Солженицына с Радио Свобода?

> **“ Он отказывался давать "Свободе" прямые интервью**

Иван Толстой: Он всячески отрицал роль "Свободы" в своей судьбе, и в этом был совершенно неправ. "Свобода"продвигала Солженицына так, как мало какое другое СМИ. Уже в 1963 году здесь рассказывали его биографию, читали "Крохотки", и потом передавали почти всё, что выходило из-под его пера. Ни Би-би-си, ни "Голос Америки" не передавали его книги целиком. Только "Свобода" могла себе это позволить.

Солженицын приветствовал чтение своих произведений, но не приветствовал программы о себе. Оказавшись на Западе, он отказывался давать "Свободе" прямые интервью. Радиостанция всё равно записывала его на пресс-конференциях, пересказывала выступления, читала публицистику. Он не хотел, чтобы его

Иван Толстой

продвигала станция, в которой он не был уверен, хотя отдельных людей на ней очень уважал. Например, отца Александра Шмемана, которого считал своим духовником.

Когда Солженицына выслали, он встретился в Цюрихе с Юрием Шлиппе, который выступал у микрофона под фамилией Мельников. Солженицын рассказывал, что слушал его ещё в 1955 году, в Казахстане. Шлиппе ответил: "Александр Исаевич, я на "Свободе" появился только в 1958 году". Солженицын слышал его на "Голосе Америки". Но для него важно было, что он с самого начала якобы слушал именно "Свободу". Солженицын держался за эту версию, даже когда ему всё объяснили.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Символическая месть эмигрантам". Как перемещают памятник Солженицыну

Сергей Медведев: Человек, который разоблачал НКВД и боролся с КГБ, в итоге сблизился с Путиным. Как вы объясняете этот парадокс?

> **Ему нужна была старая Россия, существующая по его законам**

Иван Толстой: Внешне это парадоксально, но думаю, что внутреннего противоречия Александр Исаевич не испытывал. Он всегда боролся с известным врагом, которого успел "полюбить". Про этого врага всё было известно: КГБ, КПСС, коммунисты. Когда Солженицын вернулся в 1994 году и стал выступать по телевидению, он продолжал трубить в те же трубы. А страна уже перестроилась на новый лад, люди хотели другого. Ему нужна была старая Россия, существующая по его законам. Помните его фразу: "Старая Россия была напоена православием"?

Но каким православием? Достаточно почитать его любимых авторов - Достоевского, Лескова, Чаадаева, Тургенева. Я бы говорил об обрядоверии, а не о церковной жизни. Солженицын верил в одну Россию, и больше никого в мире не видел. Казалось бы, он приехал на Запад, а там плюрализм мнений. Но для него это было едва ли не самым страшным: мнение должно быть только одно. Поэтому его речь "Расколотый мир" в Гарварде и стала для многих холодным душем.

Памятник Александру Солженицыну, Владивосток

Сергей Медведев: Можно ли предположить, как Солженицын отнёсся бы к войне России против Украины?

Иван Толстой: Боюсь даже предположить. Из всего, что он говорил, казалось бы, следовало, что он должен был бы поддержать шовинистическую и завоевательную политику Путина. Должен был бы, но кто знает? Есть и противоречия. Я бы не стал говорить, что его позиция обязательно совпала бы с путинской.

Сергей Медведев: А если говорить о литературе: в какой мере Солженицын был модернистом?

> **“ Его публицистическое слово обладает невероятной силой**

Иван Толстой: В художественной форме его тянуло к модернизму, а в мышлении он оставался архаистом. Посмотрите на его романы: в этих "киноглазах", дроблении на кадры видно влияние Джона Доса Пассоса, которого он обожал и внимательно читал. И "Архипелаг ГУЛАГ" он назвал опытом художественного исследования. Это не чисто документальная книга. Я бы сказал, что это огромное публицистическое эссе на страшном, сочащемся кровью материале. Его публицистическое слово обладает невероятной силой. Солженицын - остроумнейший человек: он так может припечатать, что болеть будет до конца дней.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Школа голой жизни. Тюремная цивилизация и русская литература

Сергей Медведев: Примерял ли на себя Солженицын роль писателя-пророка, и насколько уместно здесь его сравнение со Львом Толстым?

> **“ С юношеских лет Солженицын готовил себя к общественному предназначению**

Николай Александров: С юношеских лет Солженицын готовил себя к общественному предназначению. У него был сильный общественный темперамент, но в чём заключалась его миссия, он осознавал

постепенно. Толстой сформулировал своё предназначение довольно рано. В его ранних дневниках это выражено ярко: он видел свою задачу в создании общего морального учения, по сути - новой религии. У Солженицына такого раннего осознания не было. Он ощущал в себе дар, а понять, для чего этот дар, ему помогла сама жизнь.

Сергей Медведев: А в прозе Солженицын был новатором?

Николай Александров

Николай Александров: Он, скорее, архаик - особенно в период создания "Красного колеса", уже после "Архипелага ГУЛАГ". В этом, между прочим, и состоит его художественный спор с Варламом Шаламовым. Шаламов - безусловный новатор по способу изображения, по художественному языку. Он вырастал из модернизма. Солженицын - гораздо традиционнее: это видно и в его поздних попытках обогатить русский язык. Здесь он начинает звучать почти в унисон с прозой деревенщиков.

Сергей Медведев

Ведущий программы "Археология"

Материалы по теме

Памятник Солженицыну во Владивостоке вернули на прежнее место

"Зло никуда не уходит". Полвека назад был издан "Архипелаг ГУЛАГ"

Париж кланяется "Архипелагу ГУЛаг". Новый Table Talk с Александром Генисом